

Кудьтура. - 2003. -
27 НОЯБ. - 3дек. -
с. 13

Слава – дамам

Бенефис Вячеслава Гордеева в Концертном зале “Россия”

Вячеслав Гордеев, отмечавший в минувшей неделе свой юбилей, решил публично вступить в борьбу с возрастом, и поединок с природой выиграл. Программа вечера, устроенного в честь танцовщика и хореографа, при всем своем разнообразии фокусировала внимание зрительного зала исключительно на виновнике торжества: его выхода ждали, его встречали и его провожали со сцены так, словно это было в пору его расцвета на сцене Большого театра.

Все остальное попадало в тень, потому что танцующий Гордеев, представший в новом для себя репертуаре, интересовал публику гораздо больше, чем его молодые коллеги. Он танцевал Онегина в хореографии Джона Кранко, сцену из “Шехеразады” в постановке Михаила Фокина и “Павану мавра” Хосе Лимона. Из всего лучше других удалась “Павана”, где наивность героя Гордеева мощным, энергетическим током пронзала невнятное окружение, меньше – дуэт из “Шехеразады” – по той простой причине, что партия пло-

хо сошлась с индивидуальностью Гордеева, привыкшего быть мужественным и энергетически сильным, вести, а не быть ведомым.

Но рассуждать о том, что получилось, а что нет, по меньшей мере неуместно: Гордеев спустя годы предстал перед нами индивидуальностью исключительной: мощным, глубоко содержательным и не похожим ни на предшественников, ни на последователей Артистом. Глядя на его танец, думалось о том, что сама природа может отступать перед естественным ходом времени, или нет – точнее сказать: настоящий артист волен остановить ход времени и подчинить себе то, над чем человек не властен.

В этом волшебном поединке Гордеев оказался не одинок, подарив своим гостям счастливую возможность встретиться с двумя балеринами, дарование которых и сегодня представляется поистине уникальным. Молодым критикам, артистам, балетоманам в этот вечер надо было идти в Концертный зал “Россия”, чтобы посмотреть не только на Гордее-

К.Кырб и В.Гордеев в сцене из спектакля “Шехеразада”

ева, но и на Галину Шляпину, и на Кайе Кырб, которые танцевали в дуэте с юбиляром.

Шляпина в партии кранковской Татьяна была поистине совершенна: такой драматической актрисы на балетной сцене Москва еще долго не увидит. В ее танце было решительно все: и поэзия, и музыка, и “звенящее” чувство стиля, но помимо всего прочего был явлен и свой неповторимый мир – мир актрисы и балерины, заставивший вспомнить золотой век отечественного балета.

Кайе Кырб, которую Москва тоже давно не видела, дала удивительно острый и чувственный рисунок Шехеразады, внутри которого затеяла тонкую стилистическую игру с образами и легендами фокинского балета. В ее танце ощущался пряный и горьковатый – как шоколад – вкус балетного декаданса, оставленного в истории первой исполнительницей партии Идой Рубинштейн.

Гордеев и его дамы неожиданным

образом переместили тех, кого волнуют судьбы современного балета, из настоящего в непреходящее – и примером, и собственной волей, и ненавязчивой демонстрацией того, что есть настоящее искусство. После них любой танец на юбилейной сцене казался натужным придатком к легкому капустнику, который старательно играли вокруг юбиляра, читая стихи и строя незамысловатые мизансцены.

От пышного торжества, коего Вячеслав Гордеев достоин как никто другой, остался, однако, легкий привкус утраты. Тут пригодятся слова чеховского Дорна, точь-в-точь попадающие в цель: “Блестящих дарований теперь мало, это правда, но средний актер стал гораздо выше”.

Мы увидели “блестящих”. Какое счастье!

Сергей КОРОБКОВ
Фото Дмитрия КУЛИКОВА

Г.Шляпина и В.Гордеев в сцене из спектакля “Евгений Онегин”